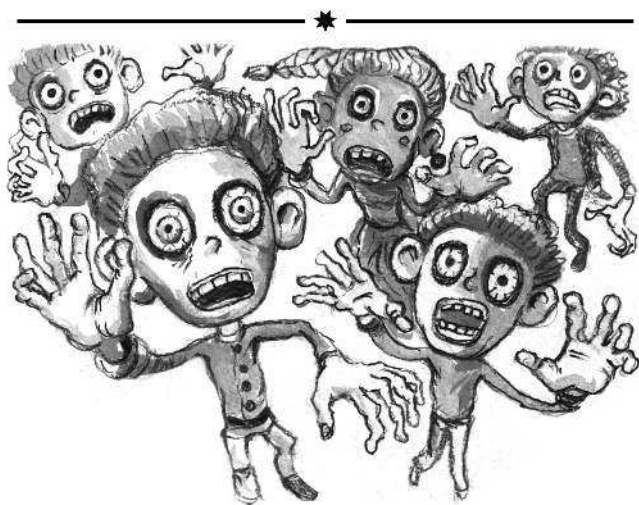

Надежда Чубарова

Проверка на смелость

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
Ч-81

Серия «Шляпа волшебника»
Рисунки *Марины Акининой*
Дизайн обложки *Марины Акининой*

На обложке использована иллюстрация *Оксаны Ветловской*

Чубарова, Надежда Александровна
Ч-81 Проверка на смелость / Надежда Чубарова.— Москва: Издательство АСТ, 2016.— 216, [2] с.: — (Шляпа волшебника).

ISBN 978-5-17-098275-2

Летние каникулы — чудесная пора! Самое время для веселых игр. А что, если игра вышла за пределы обычной шалости и увлекла мальчишек в далекое путешествие? Как найти путь домой? Как справиться со своими страхами и сохранить дружбу?

Серезка кое-что знает об этом и ещё — о таинственной волшебной стране Фиоляндии...

Подписано в печать 15.06.16.

Формат 84 x 108 $\frac{1}{32}$. Усл. печ. л. 11,76.

Тираж экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

- © Надежда Чубарова, текст, 2016
- © Марина Акинина, иллюстрации, 2016
- © Оксана Ветловская, иллюстрация на обложке, 2016
- © 000 «Издательство АСТ», 2016

ВСТУПЛЕНИЕ

Эта странная история началась, когда мы оказались запертыми в чужом сарае. Нет, пожалуй, чуточку раньше... Вы можете сказать, что я все это выдумал, и такого на самом деле не может быть, но у меня есть свидетели: мой старший брат Саня, наш друг Колька и Сашкина одноклассница Дашка — можете спросить у них. Дашка вообще врать не умеет! Но давайте я расскажу обо всем по порядку.

Глава 1

Проверка на смелость

Жарко. Солнце уже которую неделю печет, как сумасшедшее. А небо такое голубое-голубое! И ни единого облачка. Даже самого маленького. Взрослые недовольны, говорят, что дождика им нужно, а я жару люблю больше, чем дождь. Ведь в дождь что — сидишь дома и в окошко смотришь, а на улице мокро, противно и холодно. А в жару можно целый день гулять, вот прямо с утра и до вечера. Какому человеку захочется в летние каникулы дома сидеть и в окошко глядеть? Никакому! Поэтому дождь — это зло! Это только морковке дождь — добро, потому что она от него растет, а ребенок от дождя не растет, а только грустнеет.

Я в этом году закончил второй класс, и это мои вторые летние каникулы. Прошлогодние совсем пропали из-за дождливой погоды. Никаких тебе приключений, ни радости, ни даже малюсенького происшествия. Целыми днями с Саней только и делали что дома сидели. Колька к нам иногда приходил. Бывало, что мы к нему, но реже, потому что у него мама строгая, беспорядка не любит. Папа-то у Кольки добрый, никогда его не ругает, а вот мама строгая. Или просто порядок очень любит. А мы как все вместе соберемся, то обязательно беспорядок учиним. Даже сами не замечаем — как. Он как-то сам собой образовывается. А потом Колькина

мама ругается. Но на улице-то нам было не погулять, потому что дождь. А как можно играть и ничего не забросать — не понимаю. В общем, плохое выдалось лето в том году, сплошная скукотища. Поэтому вся надежда была на это лето. Нужно же наверстать! А то, что это за каникулы без приключений?

И все в этот раз вроде бы совпало: и каникулы, и погода, — а я сижу на лавочке и вообще ничего не делаю. Настроения совсем нет. А все дело в том, что вчера мы с Сашкой поссорились. Сейчас я даже не помню, из-за чего все произошло, только чувствую, что все еще злюсь на него. Вот прямо утром, только проснулся — и сразу почувствовал, что еще не пришло время мириться. А он ходит как ни в чем не бывало, улыбается даже... Как будто мы не с ним вчера дрались.

Вон они с Колькой у калитки стоят, шепчутся, на меня кивают и хихикают. Колька еще этот!.. Всего на год меня старше, а ведет себя так, будто даже старше Сани! И всегда ведь на его сторону встает! Ну и пусть кивают, пусть хихикают!.. Мне даже неинтересно, о чем они там говорят. Сижу на лавочке в тенечке, холодный морс из трубочки попиваю, делаю вид, что занят важным делом. Если надо будет, сами подойдут. Смотрю — идут.

— Ёжка... — начал Колька.

А я не люблю, когда меня так называют. Точнее, так только маме разрешается меня называть, а когда посторонние так называют — не люблю. Это пошло еще с тех давних пор, когда я не умел букву «р» говорить и сам себя называл «Ёжа». Ну и все меня так называли. А теперь какой же я Ёжа? Теперь я взрослый. А мама все равно так меня зовет. Но мама — ладно, маме можно, а Кольке нельзя. И зачем только Сашка рассказал ему

эту историю? Я строго посмотрел на них, потом поделовому отвернулся и специально громко втянул морс в трубочку. Так получается, если кончик трубочки не опускать до самого дна стакана, а провести ею по поверхности морса, тогда получается шумно. Колька, наверное, понял свою ошибку и исправился:

— Серёга, поговорить надо.

— Ну говори,— разрешил я, а сам даже не посмотрел на него. Я в кино видел, что так крутые герои делают.

— У нас дело важное. Вот ты говоришь, что уже взрослый, так?

— Ну так.

— А проверку на смелость ты уже проходил?

— Какую еще проверку? Не бывает никаких проверок,— отмахнулся я. И так настроения нет, а они еще с разными глупостями пристают. Вот точно решили надо мной посмеяться!

— Нет, Серёга, проверка на смелость существует, просто маленьким детям про нее не говорят, чтоб не испугать. А ты ведь теперь большой, поэтому тебе можно про эту проверку знать.

Я прищурился и посмотрел на Саню, на Кольку. Стоят серьезные такие... даже не улыбнутся. Врут или не врут? По их виду не определить. Так-то они любят подшутить. С ними нужно быть осторожным. Напридумывают какой-нибудь ерунды, а потом ходят, хихикают. Знаю я их. Сашку вон уже восемь лет знаю — всю свою жизнь. Ну и Кольку почти столько же, он в соседнем доме живет, давно с нами дружит, все время в гости приходит. Говорит, что у нас весело, потому что нас двое, а он один у своих родителей, ему даже поругаться не с кем.

— Да вы врете все! Вы сами это придумали! — А сам к ним присматриваюсь.

— Нет, Серёга, не врём,— и, понизив голос, Саня вкрадчиво добавил: — Не веришь, спроси у папы, он тоже эту проверку проходил.

Знает ведь, что не спрошу, потому что папа в командировке, вот и говорит так.

— А я у мамы спрошу! — сообразил я.

Ребята переглянулись, и Колька тут же нашелся:

— Мамы не знают о такой проверке! Только настоящие мужчины проверяются на смелость. И вообще — это тайна! Никому про это рассказывать нельзя.

Я все еще недоверчиво присматривался к ребятам. А если не врут? Что, я так и останусь мелким, хилым, не проверенным на смелость? Всем ведь расскажут, что проверку не прошел, смеяться будут. А если врут? Ну и что. Чем меня можно напугать? Собак я не боюсь, темноты не боюсь, гусениц разных и пауков тоже не боюсь,

на сеновале без родителей ночевали, и то не испугался. Пусть проверяют, я-то знаю, что ничего не боюсь!

— Ладно. Проверьте! — кивнул я. — Сейчас будете проверять?

— Неее,— растянул Колька,— это очень серьезная проверка, так быстро она не делается. Вечером начнем.

— А чего делать-то нужно? — усмехнулся я. Мне даже стало интересно, что такое суперстрашное они для меня приготовили.

— Да всего-то пройти через барак,— как бы между прочим спокойно сказал Колька, ковыряя в ухе.

Вот этого я не ожидал точно... Как же я про барак-то забыл?.. Это было самое страшное и ужасное место, наверное, на всей земле! Он находился как раз по пути в школу, и мы каждое утро ускоряли шаг, когда проходили мимо. И не только мы — я, Сашка и Колька,— а все знакомые ребята знали о странностях этого места. Хорошо если по пути шел кто-нибудь из взрослых, можно было пристроиться рядышком и идти, не отставая, надеясь, что взрослый сможет защитить, если что. А если рядом взрослых не оказывалось, то старались быстро пробежать, не оглядываясь, потому что о бараке рассказывали очень страшные истории.

Барак — это длинный, весь обшарпанный, ужасного вида домище, очень старый, дряхлый и полуразрушенный. Снаружи он какого-то неопределенного мрачно-грязного цвета, точно даже и не скажешь какого. Но если подойти поближе, то в выщербинах можно рассмотреть все цвета, в которые он когда-то перекрашивался. Окна барака почти все выбиты, одни оконные проемы заколочены фанерой, местами зияют темные дыры, и только два окна — со стеклами. На этих оставшихся окнах даже висели грязные скомканные занавески.

Раньше, наверное, в бараке жило много людей, но я эти времена не застал, а сейчас там жил один странный человек. Как раз эти два окна были его. Не знаю, сколько ему лет. Наверное, много, слишком уж он старый. Хотя его волосы совсем не седые, а даже наоборот, черные-пречерные. Невысокого роста, худой и сутулый. И все бы ничего, но самое страшное — у него не было одного глаза! Когда он закрывал его какой-нибудь тряпкой, то становился похож на старого пирата. А иногда и вовсе не прикрывал эту страшную сморщенную дырку, так и ходил, пугая нас. И это действительно было ужасно!.. Даже страшнее, чем фильмы-ужастики, потому что фильм — это не настоящему, это выдуманно, а этот человек был очень даже настоящий и жил недалеко от нашего дома. Днем он сидел на крыльце барака и рассматривал проходящих мимо людей. Идешь так бывало, обернешься, а он все смотрит и смотрит одним глазом и улыбается. И от его взгляда сразу по спине неприятные мурашки пробегают, забегают на голову и пробегают даже по ушам. Брр!..

Среди ребят ходили слухи, что в этом бараке живут привидения, и этот странный человек с ними общается... Мальчишки рассказывали разные истории про этого подозрительного типа, говорили даже, что свой глаз он отдал темным силам взамен на колдовские способности и возможность превращаться в монстра.

Внутри сквозь барак проходил длинный коридор, и вот по этому-то коридору мне предстояло пройти, чтоб доказать свою смелость. Только очень смелые мальчишки решались подойти к бараку, а зайти внутрь не решался никто. Во всяком случае, из моих одноклассников. И вот сейчас мне предложили то, о чем я сам даже

и не помышлял,— зайти в этот страшный дом. Я решительно выдохнул и сказал:

— Пошли!

— Точно? — Ребята, казалось, даже удивились.

— Точно! — Я сам от себя не ожидал такой решимости.

— Ну пошли. Договоримся на восемь вечера. Встречаемся у вас во дворе,— распорядился Колька.

Как же мне хотелось, чтоб сегодняшний день не заканчивался и чтоб вечер никогда не наступал! Что-то мне даже играть совсем не хотелось и есть не хотелось. Все думал и думал про это дурацкое испытание. Может, еще не поздно отказаться? А как я скажу об этом ребятам? Мол, извините, мои планы изменились? Или — я передумал проходить проверку на смелость? Или вообще — я боюсь и никуда не пойду? Что бы я ни придумал, они будут смеяться надо мной и называть трусом. Единственный выход — это быстренько пробежать сквозь коридор, и бегом домой, не останавливаясь и не оглядываясь.

А маленькая стрелка на часах все ближе и ближе продвигалась к цифре «восемь». Эх, вот придумал же кто-то часы! Вот не было бы часов, и времени бы никто не знал. Сказал Колька «встретимся в восемь вечера», а что это такое «восемь вечера» — никто и не знал бы. Вот тогда можно было бы и не идти на это испытание, и уважительная причина была бы — а не знаю я, что такое это «восемь вечера». Но я-то знаю. Это мы как раз в этом году проходили. Да... теперь уже не отмажешься...

Я не знал, чем себя занять, потому что в голову постоянно лезли мысли про испытание, и все дела просто валялись из рук. Дома мама накрывала стол к ужину. Я вдруг подумал, что, возможно, вижу маму в последний

раз... И она меня тоже... Ведь неизвестно, что со мной сейчас случится в этом бараке. И стало так грустно, что я быстро-быстро заморгал, чтоб не дать предательским слезинкам выкатиться из глаз. Не хватало еще разреветься как девчонка! А еще испытание на смелость собрался проходить. Ага, для настоящих мужчин.

Эх, какая все-таки хорошая у меня мама! Она, наверное, будет плакать, если со мной что-то случится. Даже не наверное, а точно. Я подошел к маме и крепко-крепко обнял ее.

— Ёжка, ты чего? — Мама обняла меня и ласково погладила по голове.

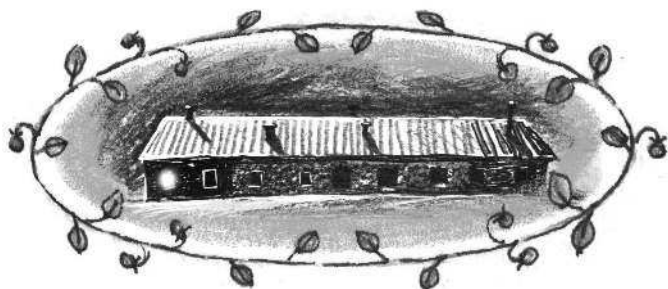
— Ничего... просто так... — вздохнул я и подумал, что мне даже нравится, как она называет меня Ёжкой. А предательская слезинка все же выкатилась, но я ее тут же вытер об мамино платье, пока никто не заметил.

Как я ни оттягивал момент наступления вечера, он все же наступил. К восьми часам пришел Колька, и мы пошли в сторону страшного барака... Шли-шли, а я все представлял, что меня там может ожидать, и как на это нужно реагировать. Допустим, выскочит этот странный человек, ну и дам тогда дёру! Бегаю-то я о-го-го как быстро! Этот дядька меня и не догонит! А если привидение? Тут уже посложнее... Как-то раньше с привидениями я дела не имел. Даже и не представляю, как с ними обходиться. Может, нужно было взять из дома головку чеснока? Или хотя бы один зубчик, на всякий случай. Что-то я такое слышал про чеснок, кто-то его боится...

Вот мы и дошли. Мне показалось, что слишком быстро дошли, я бы еще побродил... Солнце уже склонялось к земле, и в его оранжевых вечерних лучах дом выглядел особенно жутко. Мы подошли с одной сторо-

ны длинного барака. Так близко к нему мы еще ни разу не подходили. К двери вели две деревянные ступеньки, кривые и страшные, как и весь дом. Муравьи неплохо потрудились над ними, и казалось, что доски вот-вот развалятся в труху, стоит только ступить на них. По обеим сторонам от входа росла жгучая крапива, но она сейчас меньше всего меня пугала. Сейчас я бы запросто даже в заросли крапивы зашел. Вот было бы такое испытание: зайти в заросли крапивы — запросто! А надо в барак...

Дверь была открыта, и можно было увидеть весь длинный коридор, а в самом конце — светлый прямоугольник выхода. Я посмотрел на ребят, они выжидательно глядели на меня:

— Ну чего? Коленки трясутся? — усмехнулся Колька.

— Нет, не трясутся.— Коленки и в самом деле не тряслись, а вот какой-то холодный комок в животе сжался и трясся.

— Так чего? Пойдешь? — Сашка, казалось, до сих пор не верил в это, хотя чего уж тут не верить, если я стоял уже почти на пороге этого страшного дома.

— Пойду,— твердо сказал я. Нужно же пройти испытание, которое проходят все настоящие мужчины!

— Ну что ж,— сказал Колька,— вон там, видишь, в самой середине коридора что-то поблескивает?

— Вижу,— ответил я

— Вот эту штуку и принеси,— велел Колька.

— Да это мусор какой-то. Зачем он тебе? — удивился Саня.

— Доказательство, что он прошел испытание.

— А то, что мы будем свидетелями,— этого мало? — спросил Саня.

— Так положено,— настаивал Колька, но у меня закралось подозрение, что это условие он только сейчас придумал.

— Ну что, не передумал еще? — усмехнулся Саня.

— Не передумал,— ответил я, хотя самым большим моим желанием было драпануть отсюда как можно быстрее и как можно дальше.

Ребята удивленно переглянулись. Видя мою решимость, они не удержались:

— Да ладно, Серега, мы пошутили! На самом деле нет никакой проверки. Пойдем давай домой! Мы просто хотели посмотреть, как ты струсишь.

Колька смеялся, а Саня молча смотрел на меня, и было видно, что ему неловко за такую шутку. А мне что-то так обидно стало, что они со мной как с маленьким... проверки еще разные устраивают... И я сделал шаг в сторону входа в барак. Ветхая ступенька уныло скрипнула. Из темного коридора повеяло прохладой, и запах какой-то неприятный... сырости и старости, что ли? Колька подавился смехом и закашлялся. А Саня закричал громким шепотом:

— Серега! Хватит! Пошли отсюда!

Поздно. Я уже вошел в коридор. Обратно ни за что не поверну!

Я потихоньку стал продвигаться вперед. Там было темно, но из-за того, что обе двери — в начале и в конце коридора — были открыты, он хорошо просматривался. На полу валялся какой-то мусор, разные скомканные бумажки. Стены, когда-то давно покрашенные пополам синей и белой краской, сейчас были грязными и облупленными. Повсюду свисала паутина. По обеим сторонам вдоль коридора виднелись двери. Много дверей. Наверное, там комнаты... Наверное, когда-то там жили люди... Я внезапно вспомнил, что где-то здесь живет странный одноглазый человек! Сердце громко заколотилось в ушах и мешало мне прислушиваться к шорохам и звукам. Я сжался, будто хотел спрятаться в свою одежду, как улитка в домик. Вот только короткие шорты и футболка не очень-то похожи на место, куда можно целиком спрятаться. Я изо всех сил напрягал слух и зрение и аккуратно начал продвигаться по коридору к светлому прямоугольнику выхода. Там четко обозначились темные фигуры Сашки и Кольки: они оббежали барак и уже стояли у входа с другой стороны, ждали меня. Сейчас, когда они так выжидательно смотрели, мне совсем не хотелось показывать, что я боюсь.

И я пошел.

Я шел от одной двери к другой, прислушиваясь к шорохам. Некоторые двери были приоткрыты, и я в напряжении каждый раз ждал, что оттуда выскочит привидение. Но никто не выскакивал. Во всех страшных историях, которые я знал, всегда говорилось, что почему-то нельзя оглядываться назад, когда страшно. И хотя сейчас я совершенно не помнил — почему, все же мысленно стал твердить себе: «Только не оглядывайся! Не оборачивайся назад!» А оглянуться так хотелось!

Мне представлялись ужасные монстры и чудовища за моей спиной. Как они вылезают из-за дверей и идут за мной... Тянут ко мне свои кривые волосатые лапы... Хотят схватить меня за ноги и утянуть в свои норы... Я уже дошел до той блестящей штуки — доказательства моего испытания — наклонился, чтоб подобрать ее, и вдруг за одной из закрытых дверей послышался странный звук: не то кашель, не то зловещий смех! Я остановился и застыл в оцепенении... Звук повторился! Я хотел закричать, но смог только открыть рот, а голос куда-то пропал... И я КАК ДРАПАНУЛ!!

Так и бежал, с открытым ртом и беззвучным криком, до самого выхода, до спасительного светлого прямоугольника. А ребята, наверное, еще больше испугались — такой ужас был на их лицах!

Мы, не останавливаясь, мчались подальше от этого страшного дома! Только когда отбежали уже на приличное расстояние, остановились отдышаться.

— Ну, Серёга, ты гигант! — Колька восторженно смотрел на меня.

— Серёга, извини нас за глупую шутку,— это в Сане совесть проснулась.

— Ну что... я прошел проверку на смелость? — спросил я, едва переводя дыхание.

Голос мой звучал тихо и хрипло. Может быть, я специально говорил тихо, чтоб ребята не заметили, как он от ужаса все еще дрожит, а возможно, он сам по себе от страха затих, и я специально его не приглушал. Во всяком случае, тогда я не понял, почему у меня так получилось. Вдруг я почувствовал, что мой кулак так сильно сжат, что даже ногти впились в ладонь. Я медленно разжал пальцы. На моей ладони вместе со всяким мелким мусором лежала небольшая,